

**ПОВСЕДНЕВНОСТЬ БАШКИРСКОГО
ЧИНОВНИЧЕСТВА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.:
ВОССОЗДАНИЕ КАРТИНЫ
ХОЗЯЙСТВЕННО-БЫТОВОГО УКЛАДА**

Л.Ф. Тагирова

*Институт истории, языка и литературы
Уфимского научного центра Российской академии наук
Уфа, Российская Федерация
sleila.83@mail.ru*

В статье рассматривается введение кантонной системы управления в Башкирии. Прослеживается формирование национального чиновничества башкирских и мещерякских кантонов, их права и обязанности, уровень финансового благосостояния. На основании архивных материалов (судебных и делах о наследстве) показан хозяйственно-бытовой уклад башкирских кантонных начальников первой половины XIX в. Прослеживается восприятие ими норм европейского комфорта в сочетании с сохранившейся традиционной культурой.

Ключевые слова: Башкирия, башкиры, кантонная система управления, первая половина XIX в., чиновничество, хозяйственно-бытовой уклад, повседневность

В составе Российской империи находилось несколько казачьих войск, представлявших особую военно-территориальную организацию населения. Верхушка каждого казачьего войска – офицеры и чиновники (часть из них принадлежала к дворянскому сословию) нередко располагала значительными материальными ресурсами, что позволяло им создавать в местах проживания достаточно крупные усадебные комплексы, включавшие как жилые постройки, так и различные хозяйственные помещения. А участие буквально во всех войнах, которые вела Российская империя со времён Петра Великого, в том числе в Западной Европе, знакомило военную верхушку казачества с принципами обустройства жилья по европейским стандартам.

Одним из таких казачьих (иррегулярных) военных формирований стало Башкиро-мещерякское (Башкирское) войско. Следует отметить, что в России оно было одним из самых крупных иррегулярных образований (после Донского казачьего [25, л.35]). Наряду со Ставропольским калмыцким войском это военное формирование было мононациональным по составу, и единственное в государстве состояло из казаков-мусульман (в Ставропольское калмыцкое войско входили православные калмыки).

В целях укрепления обороноспособности Оренбургской пограничной линии и искоренения злоупотреблений при наряде казаков на службу в 1798 г. на Южном Урале была введена кантонная система управления, было сформировано пять оренбургских, два кантона уральских казаков, один кантон ставропольских калмыков, одиннадцать (с 1803 г. – двенадцать) башкирских и пять мещеряжских кантонов.

Введение кантонной системы потребовало нового и совершенно иного аппарата управления в войсках. Во главе образованных административных единиц – кантонов были поставлены кантонные начальники. У башкир и мещеряжков управляющие выбирались из национальных кадров. Функцией кантонных начальников являлось исполнение распоряжений, предписаний и указов вышестоящих властей, для чего они наделялись большими правами в военной, политико-административной, судебно-полицейской и хозяйственной областях. Все распоряжения по военной службе: составление и предоставление губернатору ведомостей о числе чиновников, представителей духовенства, количестве дворов, обеспечение очередного набора служащих на линейную службу, а также назначение соответствующего количества походных чиновников – входили в их обязанности. Они же наблюдали за выполнением государственных и земских повинностей, сбором налогов с жителей своего кантона, следили за процессом продажи и сдачи в аренду земель. Кроме этого, велось наблюдение за хозяйственными занятиями жителей кантона, «дабы они прилежались к домостроительству, земледелию и всем прочим работам, а ленивых и беспечных принуждали к тому, отобрав на время все угодьи, коими они пользовались, отдавая в работники хорошим хозяевам, назнача плату... пока исправят свое поведение и найдутся в состоянии сами хозяйствовать». Также кантонные начальники могли решать мелкие судебные дела внутри вверенных им кантонов [20, №18477]. Таким образом, кантонные начальники обладали большими правами над населением вверенных им административных единиц.

Замещение должности кантонного начальника формально проходило внутри кантонов с последующим утверждением оренбургским военным губернатором. Выборы управляющих производились баллотировкой (голосованием) шарами в присутствии представителей земского суда, в обязанности которых входило наблюдение, чтобы к выборам допускались чиновники только «беспорочного поведения, расторопные», знающие русский язык и «тюрки». Кроме того, лицам, состоящим под судом, не разрешалось выставлять свою кандидатуру [1, с.138]. Следует отметить, что в 1798 г. при назначении первых кантонных начальников выборы не практиковались, управляющие назначались военным губернатором [20, №18477].

Для производства текущих дел в кантонах были учреждены штаб-квартиры, заведены журналы входящих и исходящих бумаг, шнуrowые книги для записи собираемых с народа денежных налогов. По указу 1798 г., кантонным начальникам разрешалось иметь 1–2 помощников, ко-

личество которых зависело от территории кантона, и двух чиновников в должности писарей. Сверх того, управляющим кантонами было положено «для посылок по службе» иметь двух вестовых из числа отставных, малоспособных к службе юношей. Сами кантоны были разделены на юрты, включавшие в себя группы деревень. Во главе юрта стояли юртовые старшины, непосредственно подчиняющиеся кантонному начальнику. Они были назначаемы управляющим кантоном из числа нескольких кандидатур, выбранных чиновниками от каждого юрта. Главной обязанностью юртового старшины были организация и отправка два раза в год команд на линейную службу из числа казаков-очередников подчинённых ему деревень. Кроме того, они руководили сбором налогов, следили за выполнением государственных и денежных повинностей. В целом, на юртовых старшинах лежали те же функции, что и на кантонных начальниках, только в пределах вверенного им юрта.

В период с 1798 по 1834 гг. кантонные начальники не получали жалования, но были освобождены от несения натуральных повинностей [23, л.49 об.], что дополнительно вызывало злоупотребления властью национального чиновничества. К тому же, до 1830-х гг. управляющие кантоном подчинялись непосредственно Оренбургскому военному губернатору, и общий контроль за деятельностью национальных чиновников был невысок¹.

В 1834 г. было образовано Башкиро-мещерякское войско, введена должность Командующего войском и канцелярии. С 1837 г. все дела, касающиеся населения кантонов, решались через командующего с последующим утверждением генерал-губернатором. Уголовно-следственные дела населения изымались из гражданского судопроизводства и передавались на рассмотрение военного суда. В 1835 г. появились попечители кантонов, выбираемые из русских армейских штаб-офицеров, и стряпчие, избираемые из гражданских чиновников. Созданные промежуточные звенья в системе управления войском установили более действенный контроль за башкирским и мещерякским чиновничеством, что должно было уменьшить масштаб злоупотреблений кантонного начальства. Например, разбор уголовных дел о краже и мошенничестве в размерах до 15 руб. серебром по указам от 27 октября и 24 декабря 1841 г. относились к компетенции попечителей, и лишь незначительные кражи (в сумме до 5 руб. серебром) оставались в ведении кантонных начальников [24, л.279]. К тому же, к 1836 г. управляющие кантонами начали получать жалование по 650 руб. 90 коп. в год [22, л.104 об.106], остальные войсковые чиновники, занимающие должности в кантонах, получали жалование с 1845 г., которое составляло у помощников кантонных начальников по 50 руб., юртовым старшинам платили по 15 руб. серебром в год [21, л.9].

¹ Подробнее см.: Тагирова Л.Ф. Кантонные начальники Башкирии: национальная региональная элита первой половины XIX века. Уфа, 2011. Статистические подсчёты приводятся из этой монографии.

Обладая немалыми материальными ресурсами, в меньшей степени в виде казённого жалования, в большей степени в результате «неформального» использования ресурсов подчинённого населения, кантонные начальники могли создавать своеобразные поместья, внушительные хозяйственные комплексы, рассмотреть которые позволяет несколько комплексов источников.

Общее материальное состояние управляющих башкирскими и мещеряжскими кантонами с 1834 по 1861 г. можно проследить при изучении формулярных списков. Так, владельцами мукомольных мельниц являлся 31% кантонных начальников. Например, Машатов Абдулфатих Абзелилович к 1836 г. имел две мельницы в Бирском уезде [8, л.2]. Управляющие кантонами заводили поташные или конные заводы (около 7% от общего количества). Сыртланов Шагигардан Ишбулдинович к 1861 г. являлся собственником мукомольной мельницы и конного завода [13, л.3], Ибрагимов Лукман Усманович владел двумя мукомольными мельницами на р. Уршак, двумя поташными заводами и землёю [18, л.2]. Поташные заводы Ибрагимова располагались в Мензелинском уезде. В первом из них в 1841 г. было произведено 2 000 пуд. продукции, во втором – 1 600 пуд. [6, л.75].

Братья управляющего десятым башкирским кантоном хорунжего Кутлубаева Рсяна Зубаировича – хорунжий и помощник кантонного начальника Нугуман и зауряд-хорунжий Камильян владели тремя поташными заводами в дачах башкир Ельдяцкой волости. Первый из этих заводов располагался около д. Казанцево, второй – около д. Измарино и третий – у д. Камилево [7, л.271]. В каждом из них работали по одному мастеру, сусленнику и по 8 вольнонаемных рабочих мусульман. Получаемая продукция реализовывалась на месте или на Нижегородской ярмарке [7, л.276].

Около 14% кантонных начальников имело в собственности землю. Например, кантонный начальник Юнусов Саитбатал Баязитович к 1842 г. владел землёю в Уфимском уезде [10, л.3], Валитов Ибрагим Сайфуллович совместно с братьями купил уголья в Бирском уезде [12, л.2], Кайбышев Мухаметгарей Мухаметшарипович имел лесную дачу, «пожалованную предкам», в 2 352 дес. [15, л.6].

Несмотря на запрет дворянам из мусульман обладать крепостными крестьянами [26, с.111], примерно 2% кантонных начальников из дворян владели ими. Например, дворянин Султанов Мухаметрахим Абзелилович, кроме 400 дес. земли и поташного завода, в собственности имел 12 душ крестьян мужского пола [11, л.2]. Его племянник Султанов Мухамедьяр Мухаметшарипович, кроме 1 600 дес. земли в Елабужском уезде Вятской губернии и мукомольной мельницы, владел 93 крестьянами мужского пола [16, л.5, 13].

Некоторые представители окрепшего башкирского чиновничества выступали в роли меценатов. Например, в марте 1849 г. начальник 8-го башкирского кантона, войсковой старшина Лукман Ибрагимов спрашивал разрешение у Командующего Башкиро-мещеряжским войском на возведе-

ние за свой счет в д. Балыклыкулево (1-й мещерякский кантон) школы и колодца [9, л.2–3].

Рассмотреть облик усадьбы башкирского кантонного начальника, жилые и хозяйственные постройки, внутреннее убранство дома можно, изучая судебные дела с составлением описи имущества (известен лишь один судебный процесс, когда виновный понес наказание, против кантонного начальника Утяева), а также дела, связанные с наследством, оставшимся после смерти чиновника (примером служит дело по разделу наследства, оставшегося после смерти управляющего кантоном Ишмухамета Ишкуловича Уметбаева).

Начальник 4-го башкирского кантона² Тухватулла Утявов (1770 года рождения) на военной службе был с 10 января 1788 г. В декабре 1819 г. получил 14 класс и личное дворянство. В том же году был назначен начальником кантона вплоть до 1830 г. По архивным данным, с 1813 г. под следствием и судом был 20 раз [4, л.107] (по другим данным, с 1812 г. – 19 раз [4, л.127]). Его обвиняли во взятках, вымогательстве денег, а тех, «кто не заплатит, сажал в тюрьму у его дома построенную, где морил голодом и приковывал к стене или надевал цепь, даже отнимал жен у мужей» [4, л.107]. 23 декабря 1830 г. сына Т. Утявова Шамрата судили за убийство купца Абдулнасырова, совершившего это преступление по приказу отца. Генерал-майор И.В. Чернов в своих мемуарах отмечал, что кантонный начальник Т. Утявов покровительствовал шайке, грабившей проезжающих на ярмарку сибирских купцов [27, с.36]³. Все это было возможно благодаря покровительству вышестоящих чиновников, с которыми он вел переписку и посылал подарки и деньги [4, л.105]. Оренбургская уголовная палата в 1820 г. постановила снять Т. Утявова с должности, однако кантонный начальник остался на службе, продолжая получать от военного губернатора П.К. Эссена рапорты и предписания [4, л.107]. Лишь после прихода к власти военного губернатора П.П. Сухтелена (1830–1833 гг.), Т. Утявова снова судили и приговорили к поселению в Сибирь. Во время следствия и судебного разбирательства граф П.П. Сухтелен приказал провести суд в «каком-нибудь отдаленном месте», чтобы Т. Утявов не смог использовать свои многочисленные связи [4, л.110].

По имеющимся документам, двор Тухватуллы Утявова был застроен большим количеством построек. Кроме дома, где проживала его семья, во дворе находилось шесть изб. Первая из них состояла из двух, поставленных под одной крышей. Одна из них была из соснового сруба. Внутри избы находилась русская печь с кирпичной трубой и сосновые нары. В доме было три окна со ставнями на железных болтах. Вторая изба из березового

² Административная единица включала в свой состав аулы Троицкого и Челябинского уездов Оренбургской губернии (совр. крайний восток Башкортостана, Челябинская и Курганская области).

³ Подтверждений этому факту в архивах не найдено.

сруба была с двумя окнами, кирпичным чувалом и сосновыми нарами. Рядом стоял еще один дом с двумя небольшими чувалами и нарами внутри. Были и две ветхие избы из березы. Одна из них с разрушенной крышей, тремя окнами, нарами и чувалом внутри. Вторая – покрыта дранью с двумя окнами и чувалом. Во дворе управляющего кантоном стояла караульная – дом из березового сруба, кирпичным чувалом с тремя небольшими окнами. Караульная в усадьбе Т. Утявова, скорее всего, использовалась как место расположения своеобразной военной силы и личной охраны управляющего кантоном.

Около усадьбы находилось здание кантонной канцелярии. Скорее всего, в изучаемый период времени широко практиковалось строительство административных зданий во дворе или вблизи от места жительства кантонного начальника для удобства последнего. Кантонная канцелярия Т. Утявова состояла из двух комнат, сеней и чулана. В здании было пять застекленных окон со ставнями с железными болтами, голландской и русской печью и крыльцо с перилами.

В хозяйстве имелись две бани. Одна была ветхой, из березового сруба и стояла на берегу р. Увельки. Вторая, новая, из соснового сруба была крыта тесом (тонкими досками из древесины различных пород). В ней была небольшая прихожая и голландская печь с железной заслонкой.

Во дворе находились две конюшни. Одна из них длиною в 17 сажень. Вторая – старая конюшня, из трех перерубов, обнесенная вокруг заплатами. К ней примыкал скотский пригон, обнесенный мелким березовым лесом.

Амбар был построен из соснового сруба и крыт тесом. В нем было три отделения. В первом находилось 60 пудов овса, во втором – 60 пудов пшеничной муки, в третьем – 800 пудов ржи. В описи имущества управляющего кантоном числился и амбар, принадлежащий его жене Гульбустане, где хранилось 270 пудов пшеницы, 102 пуда ячменя, ржаной муки 60 пудов, арицы 246 пудов 20 футов.

Также у Тухватуллы Утявова во дворе стоял овин,⁴ построенный из березового леса, покрытый соломой, обнесенный вокруг плетнем. В середине амбара находился ток, на котором происходила молотьба хлеба. В хозяйстве имелся и погреб из сосны, покрытый берестой [5, с.139–142].

Прежде чем описывать убранство дома Утявова, хотелось бы отметить, что, скорее всего, большая часть из имущества была вывезена или запрятана до приезда комиссии и начала описи. Например, при рассмотрении дела

⁴ Овин, срубная постройка, в которой в единоличных крестьянских хозяйствах, просушивали перед молотьбой снопы хлеба (ржи, пшеницы, овса, ячменя), а также льна и конопли. Сушка производилась тёплым воздухом от печи или костра, расположенных в углубленной в землю части овина («ямнике»). В верхней части («садило») устанавливали снопы на горизонтально уложенных жердях («колосниках»).

кантонного начальника стало известно, что было найдено четыре захоронения. Одно из них находилось на берегу р. Увельки, второе – над потолком амбара, третье – над потолком дома, четвертое – в сенях, в маленьком чулане. Прятали, в основном, одежду (шинель, кафтаны, шубы), принадлежащую как Утявову, так и его семье, а также предметы домашнего обихода – самовары, ковры, седла и пр. Но и это, скорее всего, далеко не всё обнаруженное, может показать уровень жизни семьи управляющего кантоном.

В доме управляющего кантоном находилось два туркменских ковра, множество сундуков, пуховые перины, одеяла, подушки и тюфяки. Стоял комод с тремя ящиками, сверху которого был застекленный шкаф с тремя полками, также стулья с кожаными подушками, пять столов и зеркало. Кухонная утварь в доме Утявова была представлена медными ложками в количестве 12 штук, столовыми ножами с черными деревянными рукоятками (6 штук), вилками (4 штуки), железными щипцами с пружиной для раскола сахара, медного ковшика, самовара на ножках из зеленой меди, фарфоровых чайных чашек с ручками (10 штук), фарфоровых чайных блюдец (16 штук), фарфорового молочника, китайской полоскательной чашкой, рюмок (2 штуки), глиняных тарелок, по краям которых был рисунок из синих цветов (10 штук), медных шандалов (т. е. тяжелые подсвечники) и подноса.

Гардероб кантонного начальника включал форменную одежду. Это синий полукафтан, обитый мехом по рукавам и воротнику, синие шаровары с алыми лампасами и синий кафтан, подбитый ситцем. Также в описи значится зеленый нагрудник, желтый жилет с небольшим черным воротником, зимние замшевые перчатки зеленого цвета, рубахи красного цвета, шерстяные носки и портки. Верхняя зимняя одежда была представлена лисьей шубой, обшитой вокруг ворота и рукавов бобровым мехом, и двух полушубков – один из которых был сшит из меха лапок лисы и покрыт тканью из толстой пряжи желтого цвета, второй – был сшит из лисьего подбрюшечного меха и обшит мехом бобра по воротнику и рукавам. В гардеробе Утявова оставались элементы национального костюма. Это бешмет, шаровары, колпак из войлока, тюбетейки, малахай и бархатная шапка с мехом бобра [5, л.144–148].

Конное снаряжение было представлено различными хомутами, вожжами, уздечками, дугами. Одно из седел было со стремянами, изготовленными из серебра. Экипаж был представлен тремя летними и одной зимней повозками и тремя «дрожками» (легкий четырехколесный экипаж) [5, л.152–153].

Из оружия в усадьбе Т. Утявова описали 10 казачьих ружей и кожаный патронаж для пистолета [5, л.152–154], над потолком амбара позже обнаружили еще 13 ружей и две турецкие сабли. В захоронении на р. Увельке обнаружили еще две сабли с золотой и серебряной рукоятками [5, л.168–170]. Зачем же кантонному начальнику оружие в таком количестве? Скорее всего, для защиты своего поместья и резиденции от нападений.

Скотный двор Т. Утявова оказался пустым к приезду комиссии. Из пяти коров в хозяйстве все значились пропавшими или утонувшими, из двух быков – оба пропали, из трех телят – два погибли. То же самое наблюдалось и с лошадьми. Из одиннадцати мерингов до приезда комиссии «выжили» всего два.

Кроме дома, в селе у Тухватуллы Утявова имелась усадьба, находящаяся в 50 верстах от д. Тухеретевой. Усадьба состояла из соснового пятикомнатного дома. Комнаты были обиты обоями, в некоторых комнатах имелись голландские печи или чувалы. Во дворе имелось 4 избы, баня черная, два амбара, конюшня и три хлева.

Но даже после громкого судебного разбирательства и снятия с поста Тухватуллы Утявова в 1830 г. этой семье удалось оставить высокую должность кантонного начальника за собой. На посту его сменил зять – М.Е. Бузыкаев (муж третьей дочери Т. Утявова – Салихи).

Второй пример описания хозяйственно-бытового уклада башкирских чиновников первой половины XIX в. будет нами показан на деле по разделу наследства, оставшегося после смерти начальника 8-го (с 1847 г. – 9-го, с 1855 г. – 25-го)⁵ башкирского кантона Ишмухамета Ишкуловича Уметбаева.

Он родился в 1801 г. В 1816 г. поступил на службу казаком, в 1817 г. занял должность старшинского писаря. Лишь в 1831 г., после многих лет службы Уметбаев получил звание зауряд-хорунжего и с 1836 по 1855 гг. являлся начальником в восьмом (с 1847 г. в девятом) башкирском кантоне. После реформы 1855 г. становится управляющим 25-го кантона (1856–1861 гг.). Кроме этого, в 1839 г. Ишмухамет Ишкулович получает звание хорунжего, в 1853 г. – сотника и в 1857 г. – есаула. Также И.И. Уметбаев был Кавалером Ордена Святого Станислава 3-й степени (1860 г.), имел Бронзовую медаль на Владимирской ленте в память о войне 1853–1856 гг. [13, л.1–2 об].

Его старший сын зауряд-есаул Фахретдин Уметбаев был управляющим в 27-м кантоне (1856–1860 гг.), позже, после смерти отца, в 25-кантоне (1862–1863 гг.). В 1851 г. он состоял в команде для встречи его высочества герцога Максимилиана Лейхтенбергского, а в 1856 г. с 18 июля по 12 октября находился в Москве на «Высочайшей охоте», которая проводилась в честь коронации Александра II, за что получил бриллиантовый перстень с изумрудом и жетон в память об этом событии [17, л.1–4 об.].

Второй сын Ишмухамета Ишкуловича Мухаметсалим Ишмухаметович Уметбаев был прекрасным переводчиком и педагогом, общественным деятелем и журналистом. Он посвятил свою жизнь просвещению народа, борьбе против умственного застоя и религиозной схоластики. Будущее народа

⁵ В данный башкирский кантон входили аулы Уфимского уезда Оренбургской губернии, в основном, проживающие к востоку, югу и западу от г. Уфы. После административной реформы 1855 г. его центральная и юго-восточная часть вошли в 25-й кантон.

он связывал с распространением знаний и пропагандировал идею школьной реформы, необходимости изучения светских наук, русского языка, истории своего народа. Им написан сборник «Ядкар», «Заметки о значении слова «тюба», несколько газетных публикаций в «Уфимских губернских ведомостях», перевёл на башкирский язык поэму А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» [2, с.108–205]. Большая часть творческого наследия М. Уметбаева осталась неопубликованной. В настоящее время его рукописи хранятся в архивах Географического общества России (Санкт-Петербург), Духовного управления мусульман Российской Федерации и Уфимского научного центра Российской Академии наук, в Башкирском национальном музее и Центральном историческом архиве Республики Башкортостан.

Научно-исследовательскую работу М. Уметбаев совмещал со службой на ответственных государственных постах: он был губернским секретарем, секретарем коллегии, титулярным советником. Был награжден орденом Святого Станислава, серебряными и бронзовыми медалями [3, с.2].

Большой интерес вызывают родственные связи внутри национальной элиты башкир. Например, Фахретдин Ишмухаметович Уметбаев был женат на дочери войскового старшины, управляющего соседним, вторым мещерякским кантоном, одного из ярких представителей известного рода, жителя Стерлитамакского уезда д. Бузовьязы Фадхуллы Зямгуровича Резяпова⁶ – Хадиче. Мухаметсалим Уметбаев же, в свою очередь, был женат на Бибигабиде – дочери богатого и влиятельного зауряд-сотника, родственника первого, Миргальяутдина Рахматуллоевича Резяпова.

Интересно отметить, что Миргальяутдин Резяпов, скончавшийся в сентябре 1851 г., оставил после себя огромное наследство, состоящее из 300 тыс. руб. асс. (85 071 руб. 43 коп. сер.), двух поташных заводов, шести мукомольных мельниц, множества лошадей, коров, овец, коз, пчёл и до 10 тыс. пуд. хлеба. При жизни М.Р. Резяпов содержал три почтовых и три земских станции с полным набором лошадей, сбруи и пр. инвентаря. Кроме этого, после смерти ему оставались должны Авзяно-Петровский завод (8 571 руб. 43 коп. сер), Командующий Башкиро-мещерякским войском (1849–1850 гг.) Беклемишев (1 500 руб. сер.), муромский купец Кушильников, стерлитамакские купцы Исаев, Дозорцев и крестьянин Мартынов.

Всё это имущество после смерти Резяпова перешло к его трем братьям, а его вдова и дети находились долгое время на содержании родственников [5, л. 59–61]. Спустя годы сын Миргальяутдина – Нургалий Резяпов (брат жены Мухаметслима Уметбаева) с 1860 г. управлял 28-м кантоном (вступив в эту должность в 25 лет). Он владел мукомольной мельницей,

⁶ Резяпов Фадхуллы Зямгурович (1791–1844), есаул (1838). В 1812 г. возглавлял резервную команду по поимке воров и разбойников, в 1831 г. начальник карантинной заставы в Бузовьязах. Начальник второго и третьего мещерякских кантонов (1819–1839 гг.). Владел двумя мельницами. Награжден Орденом Святого Станислава 4-й степени (1835 г.).

поташным заводом и 750 дес. земли. Был женат на дочери сотника, дворянина и управляющего кантонами Мухамедшарипа Султанова – Хуснезема [16, л. 1–2].

После смерти Ишмухамета Ишкуловича в 1861 г. попечитель данного кантона отдаёт распоряжение новому управляющему 25 кантоном Фахретдину Ишмухаметовичу Уметбаеву составить для него подробную опись оставшегося имущества [19, л.1]. Опись была подготовлена помощником первого участка 25 кантона зауряд-хорунжим Байчуриным. При проведении описи находились и производили оценку жители дер. Ибрагимово: старшина юрты № 2, зауряд-хорунжий Уметбаев, указной имам Ишназар Ишкильдин и урядник Нигматулла Уметбаев.

Подробные материалы описи позволяют в деталях увидеть фамильный усадебный комплекс рода Уметбаевых (Умитбаевых). Родовое «гнездо» располагалось в селе Ибрагимово Уфимского уезда Оренбургской губернии (ныне Кармаскалинский район РБ).

У кантонного начальника было несколько хозяйственных комплексов. Первый находился в указанном родовом селе Ибрагимово. В центре «поместья» башкирского кантонного начальника располагался большой (23х9 аршин, или примерно 16,3х6,4 метра) «старый сосновый» дом с двускатной крышей, крытой тёсом. Жилое помещение разделялось на два отделения с двумя же передними комнатами, видимо, служившими сенями. Вход с разных сторон в каждое отделение дома был из своего собственного крыльца. Двенадцать с застеклёнными рамами окон обеспечивали, наверняка, достаточно хорошее освещение. Скорее всего, оформление крылец и окон (наличников) создавало художественный облик усадьбы, но в каком стиле они были выполнены, не известно. Для мусульманского населения был типичен растительный орнамент, создаваемый пропильной или накладной резьбой. Внутри дома имелось шесть дверей, стояли две голландские печи, по одной в каждом отделении, поставлена также была и русская печь. Можно предположить, что перед нами мужская и женская половины дома Уметбаевых, что было характерно для мусульманского жилья.

Сама усадьба кантонного начальника, видимо, занимала внушительную площадь, кроме свободного пространства и возможных сада и огорода, на ней стояли ещё три жилах и более десятка хозяйственных строений. Усадьба была обнесена забором (заплотом) с двумя воротами на столбах, большими для проезда повозок и маленькими.

Остальные три жилые постройки имели примерно единый размер (8 х 8, или 7,5 аршин), все четырёхоконные с застеклёнными рамами, крытые лубом. Один дом старый, остальные два новые, значит кантонный начальник расширял свою усадьбу. Дом № 2 – это кухня с печью, можно допустить, что здесь обитала прислуга. Дом № 3, скорее всего, это лётнее жильё, без печи, но с двумя дверями и крыльцом, что предполагает опять-таки наличие мужской и женской частей.

Хозяйственный комплекс ибрагимовского поместья Уметбаевых включал в себя четыре амбара, два сдвоенных каретника и конюшни, причём один был встроен между амбарами, токовую (ток – место для хранения и первичной обработки зерна), а также баню, опять-таки с двумя дверями для разных по полу членов семьи. Интересной особенностью было наличие элементов национальной культурной традиции. На усадьбе имелись две алачуги⁷. Кроме того, стояла юрта «кошомная кибитка белой шерсти старая со всеми для установления её принадлежностями».

Такое же сочетание европейской и восточной культурных традиций видим во внутреннем убранстве дома и в одежде. Три шкафа, два дивана, четыре зеркала, видимо, крупных по размеру, «польское серебро», фарфоровая и фаянсовая посуда, «сервиз чайных чашек», часы, с одной стороны, целая библиотека «татарских книг», кумганы и котлы, с другой; а также бухарский бешмет, тибетейка и малахай и «чемодан жёлтой кожи старый».

В конюшнях находилось довольно большое для своего времени количество скота, в особенности лошадей (10 мерин, 4 жеребца, 12 кобыл с жеребятами). Также в хозяйстве была одна корова и десять овец. Амбары Уметбаева были заполнены хлебом и мёдом. Во дворе находились стога сена.

Помимо основного жилья, кантонному начальнику Уметбаеву принадлежали две «кочёвки», хутора, видимо, на его же землях. «В ближних кочёвках» стоял деревянный дом с печью, крытый лубом, с застеклёнными окнами, единственная комната которого была разгорожена, видимо, под мужскую и женскую половины. Возможно, семья Уметбаевых выезжала сюда в летнее время для отдыха или контроля за полевыми работами. «Кочёвка» была обнесена жердевой изгородью. Дальняя кочёвка использовалась исключительно с хозяйственными целями, на огороженном участке стояли амбар и алачуга.

Кроме того, кантонный начальник имел обустроенное «ведомственное» жильё, которое тоже являлось его собственностью, раз было внесено в опись имущества И.И. Уметбаева. В д. Кабаково, совсем недалеко от родового «гнезда» в Ибрагимово, находилось управление кантона, кантонная квартира. Здесь Ишмухамет Ишкулович выстроил тоже целый усадебный комплекс. Для себя возвёл двухкомнатный деревянный дом (к старому однокомнатному сделали пристрой), разгороженный на пять дверей, с двумя печами, застеклёнными окнами, куда входили через два крыльца. Здесь, скорее всего, кантонный начальник проживал, возможно, сюда приезжала его семья, можно предположить, что один вход был служебный, а второй – домашний. Рядом находился второй дом примерно такого же размера с двумя печами, но с одним крыльцом, где размещалась кантонная канцелярия. Тут же возвели небольшое помещение под кантонный архив,

⁷ Алачуга – заглублённая землянка с плетёной крышей из прутьев под войлочной или рогожной кровлей.

где хранилась документация, и алачугу для всякого имущества. Кантонную квартиру обнесли забором и тыном с двумя воротами.

На примере родовой усадьбы кантонного начальника И.И. Уметбаева видно наличие нескольких жилых комплексов (в Ибрагимово, на ближней кочёвке и в Кабаково), между которыми постоянно перемещался владелец со своей семьёй, также как русский помещик переезжал из сельского имения в городской дом и обратно. Общая стоимость недвижимого имущества оценивалась в 2,5 тыс. руб. серебром. Во внутреннем убранстве чётко прослеживаются уже воспринятые национальной элитой европейские стандарты образа жизни, каково же было «внешнее» оформление фамильного поместья Уметбаева, стилевое «убранство» построек, наличие или отсутствие элементов садово-парковых ансамблей, неизвестно, в документах ничего не сообщается. Впрочем, при доступности в ближайших окрестностях естественной природы с её «дикими» ландшафтами, необходимости создавать что-либо искусственное просто не требовалось.

Таким образом, описанные материалы дают редкую возможность разглядеть усадебный (хозяйственный) комплекс, в общем, типичного башкирского кантонного начальника первой половины XIX в. Бытовая обстановка свидетельствует о далеко уже зашедшем процессе европеизации башкирской военно-административной элиты. Вилки и фарфоровый молочник, голландские печи и застеклённый шкаф в обычной башкирской деревне показывают, что получаемые доходы (нередко незаконными путями) вкладывались не просто в поддержание традиционного уровня жизни. Кантонная верхушка, подражая русскому чиновничеству, дворянству и купечеству, уже с 20–30-е гг. XIX в. активно воспринимала нормы европейского комфорта.

Башкирское войско было ликвидировано к середине 1860-х гг., кантонная элита потеряла свои формальные и неформальные источники материального процветания. Часть её влилась в состав провинциального чиновничества, другие опустились до крестьянского образа существования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асфандияров А.З. Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). Уфа: Китап, 2005. 256 с.
2. Вильданов А.Х., Кунафин Г.С. Башкирские просветители-демократы XIX века. М.: Наука, 1981. 256 с.
3. Кильмухаметова М. Книга о башкирском просветителе // Истоки. 2006. 22 марта.
4. Научный архив Уфимского научного центра Российской академии наук (НА УНЦ РАН). Ф. 3. Оп. 2. Д. 117.
5. НА УНЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1.
6. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф.И–2. Оп. 1. Д. 174.
7. НА РБ. Ф.И–2. Оп. 1. Д. 396.

8. НА РБ. Ф.И–2. Оп. 1. Д. 3798.
9. НА РБ. Ф.И–2. Оп. 1. Д. 9300.
10. НА РБ. Ф.И–2. Оп. 1. Д. 14606.
11. НА РБ. Ф.И–2. Оп. 1. Д. 14607.
12. НА РБ. Ф.И–2. Оп. 1. Д. 14634.
13. НА РБ. Ф.И–2. Оп. 1. Д. 14985.
14. НА РБ. Ф.И–2. Оп. 1. Д. 15031.
15. НА РБ. Ф.И–2. Оп. 1. Д. 15086.
16. НА РБ. Ф.И–2. Оп. 1. Д. 15088.
17. НА РБ. Ф.И–2. Оп. 1. Д. 15097.
18. НА РБ. Ф.И–2. Оп. 1. Д. 15145.
19. Национальный музей Республики Башкортостан (НМ РБ). Оп. 16481/59.
20. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. (в 45 томах). Т. 25.
21. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1284. Оп. 232. Д. 206.
22. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 405. Оп. 6. Д. 1664.
23. РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 5874.
24. РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 9049.
25. РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 9969.
26. Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1870. 594 с.
27. Чернов И.В. Заметки по истории Оренбургского края генерал-майора И.В. Чернова. Оренбург: Изд-во «Оренбургская губерния», 2007. 272 с.

Сведения об авторе: Тагирова Лейла Факиловна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и истории культуры Башкортостана Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук (450054, пр. Октября, 71, Уфа, Российская Федерация); sleila.83@mail.ru

**EVERYDAY LIFE OF THE BASHKIR BUREAUCRACY
IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY:
RECONSTRUCTION OF A PICTURE OF DOMESTIC LIFE**

L.F. Tagirova

*Institute of History, Language and Literature,
Ufa Research Center of the Russian Academy of Sciences
Ufa, Russian Federation
sleila.83@mail.ru*

The article discusses introduction of the kanton management system in Bashkiria. It explores the formation of a national bureaucracy in the Bashkir and Mishar cantons, their rights and responsibilities, the level of financial well-being. Based on archival ma-

terials (the trial and matters of inheritance), the paper shows the household structure of the Bashkir kanton chiefs in the first half of the 19th century. Their perception of the European comfort standards in combination with well-preserved traditional culture is traced.

Keywords: Bashkortostan, Bashkirs, Canton control system, bureaucracy, domestic life, everyday life, first half of the 19th century

REFERENCES

1. Asfandiyarov A.Z. *Kantonnoe upravlenie v Bashkirii (1798–1865)* [Cantone Management in Bashkiria (1798–1865)]. Ufa, Kitap Publ., 2005. 256 p. (In Russian)
2. Vildanov A.H., Kunafin G.S. *Bashkirskie prosvetiteli-demokraty XIX veka* [Bashkir Enlightenment Democrats of the 19th Century]. Moscow, Nauka Publ. 1981. 256 p. (In Russian)
3. Kilmuhametova M. *Kniga o bashkirskom prosvetitele* [The Book about the Bashkir Enlightener]. *Istoki – the Origins*. 2006. March 22. (In Russian)
4. *Nauchnyy arkhiv Ufimskogo nauchnogo tsentra rossiyskoy akademii nauk* (NA UNS RAN) [Scientific Archive of Ufa Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences] F. 3. Op. 2. D. 117. (In Russian)
5. *NA UNS RAN* F. 22. Op. 1. D. 1. (In Russian)
6. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Bashkortostan* (NA RB) [National Archives of the Republic of Bashkortostan] F. I–2. Op. 1. D. 174. (In Russian)
7. *NA RB*. F. I–2. Op. 1. D. 396. (In Russian)
8. *NA RB*. F. I–2. Op. 1. D. 3798. (In Russian)
9. *NA RB*. F. I–2. Op. 1. D. 9300. (In Russian)
10. *NA RB*. F. I–2. Op. 1. D. 14606. (In Russian)
11. *NA RB*. F. I–2. Op. 1. D. 14607. (In Russian)
12. *NA RB*. F. I–2. Op. 1. D. 14634. (In Russian)
13. *NA RB*. F. I–2. Op. 1. D. 14985. (In Russian)
14. *NA RB*. F. I–2. Op. 1. D. 15031. (In Russian)
15. *NA RB*. F. I–2. Op. 1. D. 15086. (In Russian)
16. *NA RB*. F. I–2. Op. 1. D. 15088. (In Russian)
17. *NA RB*. F. I–2. Op. 1. D. 15097. (In Russian)
18. *NA RB*. F. I–2. Op. 1. D. 15145. (In Russian)
19. *Natsional'nyy muzey Respubliki Bashkortostan* (NM RB) [The National Museum of the Republic of Bashkortostan] Op. 16481/59. (In Russian)
20. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe. 1649–1825 gg. (v 45 tomakh)* [Complete collection of Laws of the Russian Empire. The First Collection. 1649–1825. (in 45 volumes)]. Vol. 25. (In Russian)
21. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv* (RGIA) [Russian State Historical Archive] F. 1284. Op. 232. D. 206. (In Russian)
22. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv* (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive] F. 405. Op. 6. D. 1664. (In Russian)
23. *RGVIA*. F. 405. Op. 6. D. 5874. (In Russian)
24. *RGVIA*. F. 405. Op. 6. D. 9049. (In Russian)
25. *RGVIA*. F. 405. Op. 6. D. 9969. (In Russian)

26. Romanovich-Slavatinskiy A. *Dvoryanstvo v Rossii ot nachala XVIII veka do otmeny krepostnogo prava* [Nobility in Russia from the early Eighteenth Century Until the Abolition of Serfdom]. St. Petersburg, Printing house of the Ministry of Internal Affairs, 1870. 594 p. (In Russian)

27. Chernov I.V. *Zametki po istorii Orenburgskogo kraja general-mayora I.V. Chernova*. [Notes on the History of the Orenburg Region by the General-major I.V. Chernov]. Orenburg, Orenburg Province Publ., 2007. 272 p. (In Russian)

About the author: Leyla F. Tagirova is a Candidate of Science (History), Research Fellow, Department of History and History of Culture of Bashkortostan, Institute of History, Language and Literature, Ufa Research Center of the Russian Academy of Sciences (71, Prospect of October, Ufa 450054, Russian Federation); sleila.83@mail.ru